

И. Бухонова,
главный архивист Архива Президента РК
Е. Чиликова,
ведущий специалист

В казахстанской ссылке

Имя великого ученого, экономиста-аграрника XX века Чаянова Александра Васильевича стало известно в бывшем СССР в конце 1980-х годов. Между тем Западная Европа и Соединенные Штаты Америки, а несколько позже и Япония давно оценили теоретические положения А. В. Чаянова, широко используя их для развития сельского хозяйства в своих странах. В течение десятилетий там выходили в свет отдельные работы и сборники трудов, а во Франции издано собрание его сочинений в восьми томах. В СССР участь профессора А. В. Чаянова оказалась трагичной, а судьба его исследований – печальной.

Чаянов написал более 150 работ по самым разным вопросам развития сельского хозяйства. Он разработал теории оптимального размера и вертикальной кооперации крестьянских хозяйств, систему налогообложения и другие актуальные проблемы аграрной политики. Нам, не являющимся специалистами сельскохозяйственного профиля, трудно оценить важность трудов и теоретических положений А. В. Чаянова. Воспользуемся высказыванием английского профессора Теодора Шанина, приведенным в статье об А. Чаянове В. Балязиным: «Чаянов сегодня интересен для всего мира, потому что весь крестьянский мир развивается по тем законам, которые были открыты им более шестидесяти лет назад!».^{1*}

Поражает круг интересов Чаянова. Глубоко занимаясь научными исследованиями, он успевал писать романтические повести и стихи, опубликовал пьесу и историческое эссе, детективный киносценарий и социальную утопию. Он был автором пособия для музейных работников по старинной западной гравюре, и он же читал лекции по краеведению и истории Москвы на историческом факультете Московского государственного университета.

В учетной карточке отдела кадров Научно-исследовательского института основ социалистического земледелия от 12 мая 1930 г. Александр Васильевич писал: «Родился в 1888 г. Окончил Москов[ский]^{2*} с[ельско] х[озяйственный] институт (ныне Тимиряз[евская] СХ Академия) в 1910 г. Был два года аспирантом (с 1910 г.) и год в научной заграничной командировке. С 1913 г. работаю сначала в качестве доцента, а с 1918 г. – в качестве профессора ТСХА. Магистрский экзамен сдал в 1913 г. С 1919 по 1928 [г.] состоял директором Института с.-х. экономии, ныне НИОСЗ. Работал на руководящих постах с.-х. кооперации с 1915 по 1920 г., в 1921 – 1923 [гг.] был членом коллегии Наркомзема РСФСР. Написал более 300 печатных листов, напечатанных по-русски, украински, немецки, японски, английски, французски. В настоящее время выходит

^{1*} Возвращенные имена. Сб. публицистических статей. Книга 2. Составитель А. Проскурин. М., 1989, с.300.

^{2*} Здесь и далее слова в квадратных скобках вписаны составителями.

книга «Организация крупного хозяйства [объемом] около 30 печатных листов»^{3*}. К этим кратким анкетным данным можно добавить, что А. В. Чаянов в 1919 – 1921 гг. преподавал в Коммунистическом университете им. Свердлова, работал в Центросоюзе потребительских обществ, на различных курсах.

Думал ли Чаянов весной 1930 г., что история его жизни подходит к концу? Что дальнейшие вехи его биографии будут писаться не им самим?

Роковую роль в судьбе ученого и его сторонников сыграла дискуссия 1927 г. о классовом расслоении деревни. Чаянов ставил под сомнение, что расслоение на бедняка, середняка и кулака вообще имеет место, отрицал неизбежность развития капиталистических элементов в крестьянской экономике. Аграрники-марксисты обвинили его в стремлении увековечить мелкое индивидуальное хозяйство, которое при развитии непременно превратится в ферму, что и кооперация по Чаянову призвана создавать наиболее благоприятные условия на селе для кулака, тогда как сталинская политика коллективизации сельского хозяйства давала добро на уничтожение кулака как класса. Школа Чаянова с ее углубленным анализом перспектив приоритета человека и первичного трудового коллектива семейных хозяйств, многообразием форм кооперации оказалась поперек пути, намеченного Компартией.

В 1928 г. последовали «оргвыводы», Чаянову пришлось покинуть пост директора основанного им Института сельскохозяйственной экономики, хотя он продолжал преподавать и участвовать в работе ряда научных учреждений. Его труды выходили в свет, но с обязательной оговоркой редакций о несогласии с автором. Обстановка нагнеталась, недоверие к старым специалистам усиливалось, началась цепь политических процессов...

Александр Васильевич понимал, что в этих условиях его теории из разряда «научных заблуждений», как это подавалось критиками, легко перевести в разряд подрывной антисоветской деятельности. Чтобы как-то оградить себя, в декабре 1929 г., за неделю до открытия первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов, Чаянов выступил с письмом в «Сельскохозяйственной газете», в котором признавал свои исторические прогнозы неверными, а теорию классовой кооперации и защиту существования индивидуального сектора сельского хозяйства «грубой и реакционной ошибкой». Но покаяние не было принято во внимание.

Состоявшийся в июле 1930 г. XVI съезд партии дал установку на ликвидацию всех капиталистических элементов в стране, которая никак не состыковывалась с теориями А. В. Чаянова. Сразу после съезда, 21 июля 1930 г., А. Чаянова арестовали. Ему было предъявлено обвинение в руководстве несуществующей «Трудовой крестьянской партией» (якобы проповедовавшей идеологию кулачества, выступавшей против коллективизации и развития тяжелой индустрии) и в подготовке антисоветских заговоров и кулацких мятежей.

С этих пор жизнь А. В. Чаянова и его заслуги были вычеркнуты из сознания общественности страны на долгие годы. Лишь после его посмертной реабилитации в 1987 г. стало возможным открыто говорить и писать о нем. Несколько

^{3*} Известия, 1988, 30 января.

статей и очерков о Чаянове поместили на своих страницах центральные газеты и журналы к 100-летию со дня его рождения. Вышли в свет и отдельные публикации, посвященные А. В. Чаянову.

Жизнь и деятельность его довольно детально прослежены до дня, когда после длительной отсидки в Бутырской тюрьме он был сослан в Казахстан. В большинстве публикаций кратко отмечалось, что достоверных сведений о пребывании Чаянова в казахстанской ссылке нет. Много удалось выяснить алматинскому журналисту А. Иконникову. Он разыскал людей, работавших с Чаяновым в Алма-Атинском сельскохозяйственном институте, изучил документы Центрального государственного архива республики, проанализировал периодическую печать 20-30-х годов, и на основе собранных материалов опубликовал в молодежной республиканской газете «Ленинская смена» серию очерков о А. В. Чаянове. К сожалению, и Иконникову не удалось установить точных дат пребывания А. Чаянова в Алма-Ате.

Сегодня на страницах журнала мы впервые публикуем документы из Архива Президента Республики Казахстан (АП РК), проливающие свет на последние годы жизни А. Чаянова.

В опубликованной литературе утверждается, что А. Чаянов был сослан в Казахстан, в частности в Алма-Ату, в 1932 г., при этом авторы ссылались на постановление коллегии ОГПУ от 26 января 1932 г. Однако из документов архива следует, что тогда он был приговорен к пяти годам политизолятора. Постановлением от 22 июля 1934 г., в порядке пересмотра дела, Чаянов был выслан в Казахстан в Алма-Ату на оставшийся срок. Это косвенно подтверждается и самим Чаяновым в письме в Казкрайком (см. док. №3), датированном ноябрем 1935 г., где он пишет о полутора годовом «хождении по мукам в Алма-Ате.

Итак, Чаянов прибыл в Алма-Ату летом 1934 г. в качестве политического ссыльного. Принят он был на первых порах весьма дружелюбно – на него возлагались немалые надежды: республика осваивала земледелие, новые формы хозяйствования, а научных и преподавательских кадров не хватало.

Чаянов поступил на работу одновременно в два ведущих сельскохозяйственных института республики: в Казахский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства (КИЭСХ) и сельскохозяйственный институт им. Мирзояна (СХИ), читал лекции в Казахском филиале Института марксизма-ленинизма, работал в Выставочном комитете по подготовке к Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, занимался научной деятельностью.

Нами были просмотрены все приказы по КИЭСХ и СХИ им. Мирзояна за 1932–1937 гг., но точную картину работы в этих организациях А. В. Чаянова установить не удалось. Так, нет приказов о назначении его на работу, почему-то после приказов об его увольнении он вновь оказывался числящимся на работе. В приказе по КИЭСХ от 1 сентября 1934 г. Чаянов упоминается как руководитель группы научных работников. Приказом от 3 апреля 1935 г. он назначен с 1 апреля научным сотрудником института с правом работы по совместительству в СХИ. 28 апреля 1935 г. этот приказ был изменен, и А. В. Чаянов назначен консультантом института, приказом от 4 ноября 1935 г. освобожден с 12 ноября от занимаемой должности. Ему было предписано сдать все дела по норматив-

но-справочному бюро (видимо, он его возглавлял), представить рукописи монографии по Кировскому зерносовхозу к 20 ноября, а по Полудинской МТС к 10 января 1936 г.^{4*}

По всей видимости, А. В. Чаянов работал в этом институте по договорам. Последнее упоминание о профессоре Чаянове в документах КИЭСХ имеется в приказе по институту от 20 июля 1936 г. о предоставлении ему очередного трудового отпуска по 20 октября.

Очень доброжелательно относился к А. В. Чаянову молодой директор Казахского сельскохозяйственного института им. Мирзояна Х. Чурин¹. Когда Чаянов был принят на работу в СХИ, установить не удалось, но в анкете для поступления на вечерний факультет для научных работников Института марксизма-ленинизма, заполненной Чаяновым 26 сентября 1934 г., последним местом работы он называет СХИ.

Х. Чурин своим приказом от 13 января 1935 г. возложил на Чаянова, правда временно, обязанности заместителя директора института^{5*}. Но 19 января Х. Чурин получил предписание от начальника Главного управления вузов и техникумов Народного комиссариата земледелия СССР (см. док. №1) и был вынужден уже 31 января освободить профессора А. В. Чаянова от должности руководителя научно-исследовательского сектора и вывести из состава Совета института, назначив ученым консультантом по научно-исследовательской работе, 15 апреля 1935 г. Чаянов и вовсе был освобожден от работы в институте^{6*}.

Этому способствовала начавшаяся проверка работы СХИ партийными органами, в результате чего Казахский Краевой Комитет ВКП (б) 23 апреля 1935 г. принял постановление «О состоянии партийно-массовой и воспитательной работы в Сельскохозяйственном институте им. Мирзояна», некоторые пункты которого были опубликованы в печати. «Несмотря на ряд вскрытых контрреволюционных выступлений отдельных студентов в 1934–1935 гг., – указывалось в постановлении, – партийная организация не сделала для себя политических выводов, недостаточно мобилизовала студентов на усиление партийной бдительности; вопросы организации воспитания студентов в духе непримиримости к врагам и борьбы с ними не стояли в центре внимания партийной организации. В день пятидесятилетия научной и общественной деятельности академика Вильямса контрреволюционер Чаянов имел возможность использовать трибуну Сельхозинститута и выступить с большой речью, а парторганизация, занимаясь разговорами о бдительности и борьбе против классовых врагов, фактически оказалась в роли аллилуйщиков и в плену у Чаяновых. Больше того, отдельные, даже ответственные коммунисты (Митрофанов, Атаянц), срачивались с Чаяновым в быту устройством вечеринок с чаепитием и проч.»^{7*}

Хотя срок ссылки А. Чаянова истек 2 июня 1935 г., решением Особого совещания НКВД от 25 июня 1935 г. срок был продлен еще на три года.

Нападки па Чаянова и на его научную методологию, которую использовали

^{4*} Текущий архив КазНИИ экономики и организации агропромышленного комплекса. Оп.1. Д.2. Л.13–14.

^{5*} Центральный Государственный Республики Казахстан

^{6*} ЦГА РК. Там же, Л.об.40.

^{7*} Большевик Казахстана, №4, 1935, с.75.

некоторые ученые-аграрники Казахстана, продолжались. Так, в записке под названием «Выводы о задачах научно-исследовательских учреждений Казахстана аграрного профиля», хранящейся в Архиве Президента Республики Казахстан и, к сожалению, не датированной (предположительно, 1935–1936 гг.), по поводу работы Казахского научно-исследовательского института реконструкции сельского хозяйства говорилось следующее: «Основная работа по специализации и разрешению производительных сил сельского хозяйства ведется по буржуазной, рыбниковско-чаяновской методологии. Марксизм-ленинизм в загоне, его не признают за науку: «Разве это наука? Маркс сказал, Ленин написал, Сталин повторил, съезд ВКП(б) постановил – да это просто постулирование^{8*}, «порицание», «гадание па кофейной гуще» – такими эпитетами щеголяет группа чаяновцев-рыбниковцев». И далее: «Борьба за метод в теории – это борьба за то, на пользу какому классу подчинить деятельность научно-исследовательской мысли, и борьба методологию это есть классовая борьба».

Составители представляют документы без изменений и сокращений. Оставшись практически без материальной поддержки, без общения с коллегами, А. В. Чаянов обратился 20 ноября 1935 г. в Казкрайком ВКП(б) с публикуемым ниже письмом (см. док. №2 и 3), в котором описал свое невыносимо тяжелое положение. Экземпляр письма сохранился в машинописной копии в деле архивного фонда Казкрайкома ВКП (б). На письме нет никаких резолюций и установить, какими были последствия этого письма, не удалось. Но из других документов стало известно, что тогда же, в ноябре 1935 г. Чаянов был принят на должность экономиста в Наркомат земледелия КазССР, где и проработал до ареста.

16 марта 1937 г. А. В. Чаянов был арестован и 3 октября 1937 г. выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР осужден к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян в г. Алма-Ате.

Согласно существовавшему в то время порядку, жене А. В. Чаянова Ольге Эммануиловне Гуревич было сообщено, что ее муж 3 октября 1937 г. был приговорен к 10 годам лишения свободы и, отбывая наказание, умер 22 марта 1939 г.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 30 мая 1956 г. уголовное дело в отношении Чаянова было прекращено за отсутствием состава преступления, и лишь 16 июля 1987 г. Чаянов Александр Васильевич был по-смертно полностью реабилитирован.

Ниже впервые публикуются уникальные документы, хранящиеся в Архиве Президента Республики Казахстан, связанные с пребыванием в ссылке в Алма-Ате Чаянова Александра Васильевича. Документы эти являются делопроизводственными копиями. Возможно, подлинники в свое время были переданы в НКВД, архивы которого продолжают до сих пор быть недоступными для широкого круга исследователей.

^{8*} Постулировать – высказать что-либо в качестве постула.

Копия^{9*}
19 января 1935 г.^{10*}

Директору Казакского^{11*} с.-х. института

Тов. Чурину

Ознакомившись с Вашими последними приказами, я предлагаю Вам отменить назначение проф. А. В. Чаянова руководителем научно-исследовательского сектора и вывести из Совета института, не давать ему никаких поручений, связанных с обменом литературы, и учесть категорическое запрещение наше использовать профессоров, скомпрометированных в политических процессах и находившихся в рядах враждебных, контрреволюционных организаций, на каких бы то ни было ответственных работах по институту.

Само собой разумеется, это не значит, что таких профессоров нельзя использовать для чтения лекций (или докладов) по агротехническим дисциплинам. Для привлечения их в качестве лекторов и преподавателей необходимо только согласование с местными партийными организациями и НКВД.

Я обращаю особенное Ваше внимание на необходимость подойти к выполнению моего приказа не механически, а без всякой ссылки на меня или на приказ из НКЗ СССР, провести согласование с местными организациями и отменить приказ, исходя из других, чисто деловых соображений.

В данном случае (по отношению к А. В. Чаянову) Вы можете, после переговоров с местными партийными организациями и НКВД, предварительно в личном разговоре с А. В. Чаяновым указать на то, что особое руководство научно-исследовательской работой в Алма-Атинском ин-те, по выяснению масштаба этого дела, не представилось необходимым, и, ввиду этого, Вы его освобождаете от заведования научно-исследовательским сектором. После этого разговора Вы и проведите соответствующий приказ с исправлением прежних Ваших приказов.

В отношении обмена литературой – точно также Вам следует это дело фактически сейчас же передать в руки члена партии, а А. В. Чаянову объяснить, что те незначительные возможности, которые имеются у Вас для обмена литературы, могут быть исчерпаны без поручения ему этой задачи.

Вы должны понять, конечно, что этот вопрос сугубо секретный и требует весьма тщательного и умелого проведения.

Я предупреждаю Вас, что все аналогичные вопросы Вам следует проводить не иначе как после получения предварительного согласия от меня.

Я подчеркиваю, что задача руководства Институтом заключается в очень умелом подборе людей, безусловном отстранении от всех мало-мальски ответственных должностей лиц, не пользующихся полным и безусловным политическим доверием, а потому предлагаю Вам сообщить мне секретным письмом:

1. О проведенных Вами мерах по этому письму.
2. О составе вашего профессорско-преподавательского персонала.

^{9*} Копия письма была направлена в Казахский Краевой комитет (Казкрайком, Крайком) ВКП (б).

^{10*} Датируется по сопроводительному письму.

^{11*} До 1936 г. казахи назывались «казаками», соответственно институт казахский.

Начальник Главного управления
вузов и техникумов НКЗ СССР
М. Шефлер

АПРК. Ф.141. Оп.1. Д.8103. Л.13. Заверенная копия.

№2

20 ноября 1935 г.

В Крайком ВКП (Б)

Тов. Сегизбаеву²

Уважаемый товарищ!

Совершенно подавленный тем положением, в котором я нахожусь в настоящее время, я решаюсь направить через Вас Л. И. Мирзояну³ прилагаемое письмо^{12*}.

Убедительно прошу Вас лично ознакомиться с этим письмом и, если это возможно, вызвать меня к Вам, т[ак] к[ак] многое, что хотелось мне сказать, не могло уместиться в рамках и без того очень обширного письма.

Простите, что беспокою Вас, но для меня вопрос буквально идет о всей моей жизни.

А. Чайнов

Резолюция: «к секр[ентному] делу».

АПРК. Ф.141. Оп.18. Д.183. Л.1. Копия.

№3

20 ноября 1935 г.

В [Каз]крайком ВКП(б)

Л. И. Мирзояну

Мною 20 сего ноября сдана Каз/ахскому/ и/петиту]ту экономики с/ельского] х/озийст}ва выполненная мною аналитическая часть большой монографии о зерносовхозе им. Кирова, выборки из которой уже частично опубликованы в журнале «Народное хозяйство Казахстана»*. Работа эта, так же и как другие, выполнена мною на основе уже разработанного текста (М. Н. Луценко)⁵ и в дальнейшем подвергнется глубокой редакционной проработке со стороны дирекции института. Мне в этой работе принадлежит углубленный, против первоначального текста, организационный анализ, научное оформление и литературная обработка.

Совершенно подавленный морально событиями, связанными с изданной институтом брошюрой о колхозных фермах⁶, в составлении которой я принимал аналогичное участие, и, опасаясь, как бы и эту книгу не постигла аналогичная участь, я решаюсь обратиться к Вам с настоящим письмом, т[ак] к[ак] всякие дальнейшие осложнения, связанные с моим именем, непосредственно и неизбежно приведут к гибели меня как ученого и к столь же несомненному [моему]

^{12*} См. документ №3.

постепенному физическому и моральному угасанию.

За тюремные годы, которые я жил мыслью о возможности своей реабилитации и восстановления в правах участия в величайшем в истории социальном строительстве, мною написан ряд обширных научных работ, в том числе:

1. «Внутрихозяйственный транспорт и организация территории социалистического земледелия»⁷, нацело отмечающие мои старые теории оптимальных размеров⁸.

2. «Организация посевной площади и севооборотов соц[иалистического] земледелия», где я пытаюсь взамен своего старого частногохозяйственного подхода к организации предприятия применить принцип планового социалистического народного хозяйства.

3. «Методы анализа массовых материалов», где пытаюсь путем применения ряда совершенно новых методов дать теорию статистики безо всяких элементов махизма⁹.

Работая над ними, я заканчивал пересмотр последних остатков моего старого неонароднического мирозерцания¹⁰.

С 1911 по 1928 годы я был одним из влиятельных идеологов мелкобуржуазного неонародничества, взятого в международном масштабе. Мои работы печатались на французском, немецком, английском и японском языках. Мои идеи имели своих сторонников не только в среде русских кооператоров, но и в кругах мелкобуржуазной радикальной интеллигенции Западной Европы (см. книги Зомбарта¹¹) и левых европейских социалистов (Отто Бауэр¹²).

Говоря иначе, это было вполне сложившееся и детально разработанное мелкобуржуазное мирозерцание, всю контрреволюционную сущность которого я мог понять только за самые последние годы.

Поэтому мой путь к коммунизму не был и не мог быть тем ясным и простым путем, которым приходит к нему рабочий или общественный деятель, органически связанный с классовым движением пролетариата, ни даже путем рядового представителя технической интеллигенции, ранее революции никогда не задумывавшегося глубоко над вопросами социально-политической жизни.

Для меня этот тяжелый путь начался тогда, когда факты жизни начали крушить одну за другой мои концепции и прогнозы, а грандиозная победа коммунизма в нашей деревне вскрыла всю беспочвенность и банкротство моих неонароднических идей и идеалов, жалких даже по сравнению с фактами сегодняшнего дня социалистической деревни.

Поскольку я не был идиотом и никогда не терял чувства действительности, я вынужден был шаг за шагом, звено за звеном пересматривать свои старые позиции, выбрасывая за борт свои мирозерцания, некогда самые близкие мне идеи и убеждения.

Путь этот был крайне тяжел, подчас мучителен и по своим исходным позициям крайне своеобразен, так как я не мог просто отмахнуться от своих старых убеждений, а должен был преодолеть их^{13*}».

Теперь, когда этот путь пройден, можно по десяткам документов проследить

^{13*} Здесь и далее текст подчеркнут А. В. Чайновым.

насколько последовательно и органично из моего сознания выметались жизнью все последние остатки бывшего неонародничества.

Я мечтал закончить этот пересмотр своих позиций не какими-либо декларациями, которые в данном случае вряд ли могли иметь большое значение, а публикацией двух капитальных научных работ:

1. «Организация теории социалистического земледелия», которая бы нацело [по]кончила с моей старой теорией оптимальных размеров, этим краеугольным камнем теоретической системы неонародничества.

2. Большой книгой о колхозном и совхозном строительстве СССР, которую думал опубликовать за границей в качестве своего ответа Отто Бауэру, положившему мою старую теорию крестьянского хозяйства в основу своей аграрной программы, и этим разом положить конец каким-либо сомнениям в моем полном и безоговорочном отказе от старых неонароднических позиций.

С такими намерениями я после своего досрочного освобождения и приехал в Алма-Ату, физически здоровым и полным надежд и энергии человеком.

Однако через несколько месяцев обстоятельства сложились так, как я, несмотря на сверхчеловеческую по напряжению, каждодневную работу по 10–12 час[ов] – за полтора года ни на шаг не продвинулся в разрешении этих задач; бытовые и моральные условия моей работы и жизни с каждым месяцем становились все хуже и хуже, пока я не попал безо всякой сколько-нибудь серьезной вины со своей стороны в столь отчаянное положение, из которого без Вашей помощи не вижу для себя никакого выхода.

Положение мое стало нечеловечески трудным, особенно с мая 1935 г.

Дирекция КИЭСХ основным условием моей работы в институте поставила, чтобы я не имел никаких личных знакомств с работниками института, ни у кого не бывал и никого бы из них не принимал у себя, и в своих работах сносился бы только с дирекцией или, в случае необходимости, по делу с лицами, ею указанными.

Статья «Чаяновские гости»¹³, опубликована в [газ.] «Каз[ахстанская] правда» 21 апреля [19]35 г. оборвала всякую возможность общения со мной кого бы то ни было.

Мне было отказано в возможности продолжения начатого мною в КИМЛ^{14*} марксистского образования, которое мне было необходимо как воздух.

В итоге я оказался выброшенным из человеческого общества и дом мой превратился в общественный лупинарий¹⁴.

Месяцы полного одиночества, проведенные в немыслимо убогой бытовой обстановке вконец расшатали мою психику и врач, у которого я был 3 ноября, констатировал у меня помимо склероза мозга развившуюся психастению.

Единственным содержанием моей жизни была работа, в ней я видел смысл жизни и путь к возможности стать полноценным участником нашего великого социалистического строительства. Однако и в этой работе я ни на шаг не продвинулся в разрешении поставленных, мною задач. За полтора года я не мог найти в Алма-Ате ни одного человека, который бы заинтересовался привезен-

^{14*} Казахский институт марксизма-ленинизма.

ными мною большими работами и прочел бы их. Возложенная на меня поездка в Алма-Ату большая работа по с.-х. транспорту, наполовину оконченная, оборвалась с моим уходом из СХИ.

Моя же повседневная деятельность консультанта в КИЭСХ, требовавшая от меня огромного напряжения, была совершенно обезличена по самой своей установке и не могла быть подвергнута никакой объективной регитации^{15*}. По сути дела я был ученым-чернорабочим при ответственных руководителях темами.

При моем общественном положении я не возражал, не отказывался ни от какой работы, вкладывал в них всю свою энергию, знание и опыт научной работы, надеясь, что когда-нибудь и эта распыленная работа во всей ее совокупности будет учтена как мой актив, хотя подобное положение с каждым месяцем болезненно угнетало меня все больше и больше.

Теперь и этой работе пришел конец!

9 сего ноября я, в связи с осложнениями по поводу опубликованной институтом брошюры о колхозных фермах, уволен из числа его сотрудников.

Увольнение это никаким образом не связано с моей личной работой над этой книгой. Работа эта в значительной своей части представлявшая собой сводку уже законченных рукописей других сотрудников института, шла под непосредственным руководством дирекции, методами ею утвержденными, и по окончании текстовой сводки была дважды редакционно проработана и частично переделана руководителем работы И. Нусимовым¹⁵, который неоднократно мне указывал, что он как руководитель и редактор лично отвечает за каждое слово книги.

Как мотивом моего увольнения мне было указано, что:

1) мое присутствие в составе сотрудников делает институт объектом осложнения;

2) мною допущен нелояльный поступок в отношении института, выразившийся в том, что я дал повод считать коллективную работу института моей индивидуальной работой.

По-видимому, причиной этого второго обвинения является одна фраза из моей переписки с женой, по сути дела имевшая совершенно другой смысл, конкретно не относящийся даже к этой книге, а вообще к общей системе моей работы, хорошо известной моей жене; но фраза эта была отредактирована мною так, что за пределами личной переписки действительно могла быть истолкована как нетактичность в отношении института.

Я крайне сожалею об этом и если допустил такую редакцию, то во многом потому, что в конце октября, жестоко простудившись на работах на выставке, был в полубредовом состоянии с температурой около 39⁰ и в приступе обострения психастении, о чем рассказывалось в тех же моих письмах. Думаю, однако, что эта допущенная мною нетактичность, поскольку она являлась фактором интимной переписки, а не публичного выступления, сама по себе не могла явиться причиной моего увольнения из института, крайне бедного квалифици-

^{15*} Так в тексте.

рованными работниками.

Поэтому решающим моментом, предопределившим мой уход из института, является первый мотив.

Подавляющая моя^{16*} значимость этого мотива усугубляется замечанием дирекции института, что, по-видимому, по сложившимся обстоятельствам мне вообще невозможно работать в области сельского хозяйства, т. е. как раз в той области, в которой я как раз являюсь одним из наиболее крупных специалистов и с которой я связывал все планы своей дальнейшей жизни и реабилитации, т[ак] к[ак] именно здесь я могу дать максимум для нашего социалистического строительства.

Если это действительно так, то я конечно могу направить свои работы в русло математической статистики и исторической географии, в которой обладаю достаточной квалификацией. (Как раз сейчас мой Атлас истории Москворечья¹⁶ рассматривается строительством канала Волга–Москва, а бывший в Алма-Ате замдиректора Московского института экономики сельского хозяйства тов. Чернявский вел со мной переговоры не только об издании моей книги о транспорте, но и о работе «Методы разработки массовых материалов»).

Однако помимо невыносимо тягостного для меня крушения всех моих вышеизложенных планов, этот уход от сельского хозяйства может вызвать обвинение меня в дезертирстве из той отрасли работы, в которой я работал всю свою жизнь и в которой бесспорно могу дать очень много для социалистического строительства.

Поэтому я не могу взять на себя решение этого вопроса, хотя отлично сознаю по полуторогодовому опыту в Алма-Ате, что моя работа в с.-х. учреждениях, оставленная без внимания и поддержки руководящих органов, неизбежно превратится в миллион терзаний для руководителей этих учреждений, а для меня будет означать полную моральную и физическую гибель, на полдороге к которой я уже и стою в настоящую минуту.

Я заявлял и заявляю сейчас, что я отдаю себя в полное распоряжение правительства и партии и того руководства, которому я буду препоручен. Я заранее согласен на всякую работу, которая будет на меня возложена, как бы тяжела она не была.

В то же время, исходя из великих слов Сталина о социалистическом гуманизме, о внимании к людям, могущим принести своим опытом и знаниями пользу социалистическому строительству, – я прошу [у] Вас эту работу в условиях, не означающих собою снашивание мозга от непосильной нагрузки, постоянных ударов по психике и полного изгнания из человеческого общества, в которых я находился в последние месяцы.

Я долго думал о том, имею ли я право обратиться к Вам с настоящим письмом. Однако поскольку изложенные в нем вопросы являются для меня буквально вопросами жизни или медленного умирания, поскольку я глубочайшим образом убежден, что мой опыт и мои знания при надлежащем руководстве могут принести немалую пользу социалистическому строительству – я и решаю

^{16*} Так в тексте.

уюсь обратиться к Вам, прося Вас принять меня, выслушать и сказать, что же я должен делать, т[ак] к[ак} только вы один можете вывести меня из того тупика, в котором я нахожусь.

А. Чаянов

АП РК. Ф.141. Оп.18. Д.183. Л.5. Копия.

Примечания

1. Чурнн Х. Д. (1901–1979) – в 1932–1953 гг. ректор Казахского сельхозинститута.

2. Сегизбаев С. (1899–1939) – в 1934–1937 гг. заведующий сельскохозяйственным отделом Казкрайкома ВКП (б).

3. Мирзоян Л. И. (1897–1938) – в 1933–1938 гг. первый секретарь Казкрайкома ВКП (б), затем первый секретарь ЦК КП (б) К.

4. Имеется в виду материал, опубликованный в журнале «Народное хозяйство Казахстана», № 5–6 за 1935 г., подписанный «Бригадой под руководством М. Н. Луценко».

5. Луценко М. Н. – научный сотрудник КИЭСХ, входивший в состав группы, руководимой А. В. Чаяновым.

6. Имеется в виду монография «Основные вопросы организации колхозного животноводства в Казахстане, опыт анализа работы колхозно-товарной фермы Полудинского района Карагандинской области» под редакцией заместителя директора КИЭСХ Нусинова И. С.

7. Тетрадь с рабочими записями, сделанными в Бутырской тюрьме, по организации внутрихозяйственного транспорта во второй пятилетке и об истории гравюры Чаянов передал жене, которая сумела навестить мужа в казахстанской ссылке. В 1994 г. эта работа и ряд других документов были переданы младшим сыном Чаянова в Российский государственный архив экономики. Были ли опубликованы этот и два других труда Л. Чаянова, указанные в п.п. 2 и 3, установить не удалось.

8. Теории оптимальных размеров предполагали поиск таких форм сельскохозяйственного производства, которые бы обеспечили минимальные издержки на единицу продукции.

9. Махизм – идеалистическое течение в философии и теоретической физике конца XIX в., названное по имени австрийского физика и философа Эрнеста Маха.

10. В 1930-х годах неонародническое миросозерцание трактовалось как движение, отстаивающее интересы кулацкой верхушки деревни.

11. Зомбарт В. (1863–1941) – немецкий экономист, социолог и историк, философ культуры. В ранних работах испытал влияние марксизма, в дальнейшем выступал против исторического материализма и экономического учения К. Маркса.

12. Бауэр О. (1882–1938) – один из лидеров австрийских социал-демократов, видный деятель II Интернационала. Выступал против пролетарской революции

и политики большевиков в России, защищал идею социализации промышленности с уплатой возмещения ущерба капиталистам.

13. Статья, опубликованная без подписи, критикует парторганизацию сельскохозяйственного института, которая, «не поняв всей политической подоплеки дела», разрешает своим членам «якшание с врагами типа Чайнова». Названы фамилии людей, посмеявшихся посетить «контрреволюционера Чайнова» и не наказанных за это.

14. Так назывался в Древнем Риме дом терпимости.

15. См. примечание 6.

16. В Московском журнале «Архитектура и строительство» (№ 9 за 1988 г.) к 100-летию со дня рождения А. В. Чайнова опубликована карта г. Москвы XVII века. Возможно, она является фрагментом подготовленного Чайновым Атласа.

Опубликовано: Мысль. Общественно-политический ежемесячный журнал. №2. 1999 г. С.76–83.